

Высшая школа экономики
Факультет философии

Философия. Язык. Культура.
Выпуск 3

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2012

Печатается по решению Ученого совета факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Философия. Язык. Культура. Вып. 3 / отв. ред.
Горбатов В.В. — СПб. : Алетейя, 2012. — 368 с.

ISBN 978-5-91419-840-1

Сборник содержит статьи, посвящённые осмыслению широких взаимосвязей языка и культуры, философских аспектов познания, коммуникации и понимания, исследованию символического измерения бытия человека и культуры.

Книга предназначена философам, культурологам, специалистам в области языкознания, истории политических и правовых учений, широкому кругу учёных-гуманитариев.

УДК 1.101 + 1.14-18 + 7.01
ББК 71.0 + 81 + 87

ISBN 978-5-91419-840-1

© Коллектив авторов, 2012

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

С.М. Бардина
ПРИМЕНИМОСТЬ ОПИСАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ
«ОТ ПЕРВОГО / ВТОРОГО / ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ШИЗОФРЕНИИ

The article examines ways of describing human experience and behavior from the first, the second and the third-person perspectives and their applicability for people with schizophrenia. It is quite difficult to describe the experience of such people from the third-person perspective, hence there is a great need in address to other methods and paying attention at prospects connected with them. Moreover, the article presents the changeability of conceptual framework depending on whose experience and behavior we investigate.

Ключевые слова: *философия психиатрии, шизофрения, личность, перспектива первого лица, перспектива второго лица*

Keywords: *philosophy of psychiatry, schizophrenia, self, the first person perspective, the second person perspective*

Рассмотрение традиционных философских вопросов на материале «нестандартных» случаев может дать новый импульс для их развития, для того чтобы посмотреть на них «с другой стороны»; возможно это одна из причин того, в последнее время довольно большую популярность имеют исследования в сфере философии психиатрии — такие исследования не только стремятся объяснить патологические феномены, но и показывают, как по-новому в этих условиях раскрываются классические философские проблемы.

Задача данной статьи — продемонстрировать в качестве примера такого дисциплинарного взаимодействия вопрос об описательных моделях от первого, второго и третьего лица (*first-, second-, third-person perspective*) и показать, что изменяется в по-

становке этого вопроса, когда мы обращаемся к опыту больных шизофренией.

Разумеется, разделение перспективы «от первого лица» и «от третьего лица» (как и утверждения о том, что подобное разделение не приносит никакой пользы и является попросту фикцией) — тема в философии не новая. Определения, которые даются опыту «от первого лица», различны; не вдаваясь в детали, кратко суммирую то, что важно для постановки проблемы в данном тексте: прежде всего, опыт «от первого лица» связан с непосредственным моментом переживания, с ощущением себя (*self*). Кроме того, принципиальной характеристикой этого опыта «от первого лица» является его уникальность и непередаваемость; этот опыт несводим к своим внешним проявлениям, доступным для описания другими людьми. Перспектива «третьего лица» — это, соответственно, то, что не связано с «личным, непередаваемым» опытом. Стоит также отметить, что разделение первого и третьего лица ни в коем случае не совпадает с лингвистическим разделением: для «философского» первого лица важна «непосредственность» опыта, а не все предложения в первом лице описывают такой опыт.

Утверждение, что эти две перспективы действительно принципиально отличны друг от друга, неоспорно. Существует и обратная точка зрения: «привилегированный доступ сознания к своим собственным деяниям» [3, с. 157], особый доступ к внутреннему состоянию и наличие какого бы то ни было уникального опыта — это иллюзия; с этой точки зрения (особенно если говорить о «крайнем», бихевиористском её варианте), все, что мы описываем «от первого лица», можно свести к поведенческим проявлениям, которые, в свою очередь, фиксируются объективно и в силу этого прекрасно описываются из позиции третьего лица. Существует и некоторое количество «промежуточных», «средних» вариантов решения проблемы, например, что люди «испытывают и вместе с тем обнаруживают в поведении» [2, с. 228] различные состояния, — такая позиция нивелирует принципиальное различие этих уровней, но всё же сохраняет между ними некоторую разницу.

Если дискуссии о перспективе первого и третьего лица — тема в философии довольно привычная, то вопросы о специ-

фике описания «от второго лица» чуть менее традиционны, хотя уже тоже имеют свою историю споров и обсуждений. Опять же, стоит отметить, что класс высказываний из перспективы второго лица не совпадает с классом предложений, где глагол стоит во втором лице. Значительная часть конструкций языка, построенных от второго лица (с местоимениями «ты», «вы») не передает содержания, принципиально отличного от того, которое мы наблюдаем в конструкциях «от третьего лица». Это точно такое же описание «внешних проявлений». Идея о существовании некоей специфической перспективы «второго лица» основывается на постулате о совершенно особом статуса отношения, которое складывается между описывающим и описываемым субъектом. Сторонники этой концепции убеждены, что такие отношения — это не отношения описания, а отношения взаимности, обмена, общения; с этих позиций, мы «взаимодействуем друг с другом, принимая «вовлеченную» перспективу второго лица» [5, с. 4]. Эти отношения складываются внутри ситуации общения, и то описание, которое в ней рождается, значимо в контексте самой ситуации. Если такая перспектива действительно возможна, данный тип описания, очевидно, не будет сводиться к описанию «извне», с позиции третьего лица, но и не будет отсылать к непосредственности «опыта себя».

Другое дело, что, так же как и вопрос о специфике перспективы первого лица, вопрос об особенностях опыта «от второго лица» до конца не решен. В противовес позиции, отстаивающей специфику подобного отношения, высказываются взгляды, что модель «от второго лица» не обладает уникальной особостью: все описанное в ней легко можно перевести в перспективу третьего лица. Более того, серьезным доводом против перспективы второго лица является сложная достижимость необходимой для неё ситуации «взаимодействия»: действительно, нет каких-то алгоритмов, позволяющих гарантированно достичь ситуации «взаимодействия во втором лице», поэтому для строгого научного описания эта модель может применяться с большим трудом и серьезными оговорками.

Примерно так выглядит ситуация с концептуальной возможностью и применимостью к реальности трёх описательных моделей. Моя же задача заключается в том, чтобы посмотреть,

меняется ли что-нибудь в данных дискуссиях, если мы обращаемся к «нетрадиционному» материалу. Я предполагаю рассмотреть, насколько применимы данные описательные модели к шизофреническому опыту, и сделать выводы по поводу того, действительно ли меняет что-то для общефилософских дискуссий обращение к этому материалу.

Хочется отметить, что обращение именно к шизофреническому опыту неслучайно. Специфика «кейса» шизофреника заключается в том, что в данном случае возможное проникновение в опыт другого очень проблематично (причем как «изнутри», так и «с точки зрения внешних проявлений»). В работе с больным шизофренией под вопросом оказывается и понимание его мира «по аналогии», и утверждение о «разделяемых» социальных практиках.

Начнем рассмотрение с применимости к шизофреническому опыту перспективы третьего лица. Если по поводу возможности и правомерности первого или второго лица в философии ведутся споры, то в нашей способности говорить о действиях другого с позиции третьего лица вряд ли кто-то будет сомневаться. Но когда мы приступаем к описанию шизофреника, такие сомнения могут появиться.

Разумеется, если мы ограничимся работой с больным как «физическим объектом», и наше описание будет отсылать исключительно к органически фиксируемым нарушениям его состояния, то такое описание будет возможно. Но если мы все-таки хотим выйти на уровень описания поведения, действий, то мы сталкиваемся с существенной проблемой. Дело в том, что доступности поведения шизофреника для нашего понимания препятствуют некоторые факторы.

Как мне представляется, есть две основные стратегии, позволяющие адекватно описать поведение другого, ограничиваясь рамками описания от третьего лица. Одна из них — это умеренный вариант, который признает наличие психических состояний, но позволяет описывать поведение в качестве осмысленного, однако без доступа к ним. В этом случае «мы рассматриваем других как обладающих интенциональными состояниями, аналогичными нашим собственным) и используем это для объяснения и предсказания их поведения» [8, с. 44]. Та-

ким образом, эффективность нашего описания и предсказания возможного поведения (именно поведения, а не физических характеристик) другого базируется на том, что мы признаем аналогичность возможных ментальных состояний человека и поэтому можем «просчитывать» его осмысленные поступки. Однако в случае с шизофреником эта схема не работает. Эта концепция эффективна, только если её положения повсеместны и «взаимны», то есть ли каждый аналогичным образом может «просчитать», «прикинуть на себя» поведение другого, и, за счет этого люди согласовывают свои действия, и общество отлично функционирует. Шизофреник же не обладает способностью к «примериванию на себя» психической жизни других¹. Поэтому его поведение оказывается за рамками этой схемы.

Другой, более традиционный вариант — это объяснение, которое основывается исключительно на внешних проявлениях, на практиках определенной «формы жизни». Исходя из этой позиции, мы можем вполне эффективно описывать (а также предсказывать) поведение других, поскольку мы встроены с ними в одну сеть практик. Тем не менее, кажется весьма спорным, что «форма жизни» больного шизофренией и её законы и правила будут нам понятны; конечно, вряд ли этот способ жизни будет так же недоступен для нас, как формы жизни льва (витгенштейновское «Умей лев говорить, мы не могли бы его понять»), но, несомненно, определенные барьеры для постижения его жизни перед нами возникнут. Более того, дело не только и не столько в том, что нам будет трудно понять больного шизофренией, а в том, что он «выключен» из системы социальных взаимодействий, из интерсубъективно разделяемой реальности.

Возможно, именно эти сложности (а быть может, интуитивное ощущение, что с описанием шизофренического опыта «что-то не так») породили довольно значительное количество попыток создать методологию, которая позволяла бы постигать

¹ См. информацию об этих нарушениях — Understanding Other Minds. Perspectives from Developmental Cognitive Neuroscience. Edited by Simon Baron-Cohen, Helen Tager-Flusberg and Donald J. Cohen. Oxford University Press, 2000.

опыт больного из перспективы первого и второго лица — то, что излишне и, возможно, ненужно, когда мы говорим о психически нормальных людях, в случае шизофреника становится едва ли не единственным шансом так или иначе постичь его опыт.

В частности, достаточно популярны в 20 веке были попытки описать шизофрению исходя из перспективы «первого лица». Эти попытки были движимы надеждой отыскать способ, с помощью которого можно описать мир психически больного человека «изнутри». В основе этих идей было стремление уйти от позитивной науки, склонной, с этой точки зрения, к упрощениям и рассматривающей больного исключительно как «объект». Лисакер выделяет, к примеру, несколько направлений, которые, так или иначе, задействовали такую модель описания: экзистенциальная психиатрия, психоанализ, феноменология, диалогическая психиатрия, психосоциальная реабилитация [4, с. 6]. Основной упор во всех этих — весьма различных по своим основным установкам — стратегиях был сделан на то, чтобы описать опыт, проживаемый самим больным. Задача интерпретатора (психиатра или философа, участвующего в создании приемлемой методологии) в этом случае оказывалась такой: нужно было найти подходящие формы, в которые можно облечь такое описание. Исследователю нужно как-то искать или вносить доступный для понимания «смысл» в тех данных, которые больной предоставляет о своем опыте. В общем-то, именно это и было самым проблемным моментом во всех этих течениях. К традиционному сомнению, насколько правомерно будет наше проникновение в мир другого человека, сможем ли мы вообще что-то извлечь, и насколько адекватен будет результат этой работы, добавляются новые сомнения, связанные со спецификой шизофренического мира. В целом поиск «языка перевода» между тем, кто пытается дать описание, и тем, чей мир описывается, — задача нелегкая, а, учитывая, что между этими людьми есть существенная разница (в способе восприятия мира психически больным и психически здоровым), эта задача видится очень непродой.

И наконец, третий вариант — описание шизофренического с позиции второго лица — приобрел популярность в послед-

ние несколько десятилетий. Перспектива «второго лица», как было показано выше, — возможно самая «туманная» в смысле практической применимости и четкости методологического аппарата описательная модель, когда мы говорим о психически нормальных людях. Тем не менее, как мы видим, в случае с шизофрениками другие модели сталкиваются с существенными проблемами и демонстрируют значительное падение эффективности. Некоторые из этих проблем применение описания «от второго лица» как раз решает.

Перспектива второго лица в случае с шизофреником предполагает установление взаимоотношений между больным и тем, кто описывает его состояние, — некоторое общее пространство, которое будет создаваться как эффект от самого взаимодействия, «мир, который был бы «наш», мир, который полностью не разделен на «мой» и «их» миры» [7, с. 34]. Создание такого пространства (если допустить, что такая задача в принципе реализуема) позволит отказаться от «перевода» и «описания по аналогии» — так как в этом случае не будет ситуации двух принципиально несводимых друг к другу позиций. Поэтому все означенные выше проблемы — по крайней мере, теоретически — должны в этом случае решаться. Это связано с тем, что пропадает тот самый «неустрашимый разрыв» между миром, в котором живет и действует шизофреник, и миром, в котором живет тот, кто пытается разобраться в его опыте.

Однако основной недостаток рассмотрения с перспективы второго лица сохраняется — это, пожалуй, ещё более трудно прописываемая, чем в других случаях, методология и непонятность критерия, по которому мы будем определять это состояние «взаимодействия», создания «общего мира». Впрочем, стоит отметить, что, в отличие от двух других случаев, эта проблема никак не связана со сложностью описания именно психически больного — недостаток абсолютно равнозначен для построения взаимодействия с любым человеком.

Таким образом, когда мы обращаемся к опыту больных шизофренией, то наша стратегия выбора описательной модели от первого / второго / третьего лица изменяется. Оказывается, что доступность и удобство модели от третьего лица, которую мы наблюдаем в мире психически здоровых людей, в случае с

шизофрениками уже совсем не так очевидна. Первым следствием этого является некоторое «ограничение», которое вводится на повсеместность применения этой модели. А вторым — большее внимание к методологически более сомнительным моделям первого и особенно второго лица, которые лучше соответствуют задаче описания психотического опыта и, за счет этого, становятся вынужденной альтернативой. Главным итогом этих наблюдений видится поразительная размытость и неразличимость границы между концептуальными и методологическими аспектами — с одной стороны, и вопросами «приемимости» — с другой.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. // Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994.
2. *Прист С.* Теории сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
3. *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999.
4. *Lysaker P., Lysaker J.* Schizophrenia and Alterations in Self-experience: A Comparison of 6 Perspectives. // *Schizophrenia Bulletin*, 2008.
5. *Ratcliffe M.* Phenomenology Is Not a Servant of Science. // *Philosophy, Psychiatry, & Psychology*. / Vol. 18, No. 1 / March 2011.
6. *Sass, L., Parnas J., Zahavi D.* Phenomenological psychopathology and schizophrenia: Contemporary approaches and misunderstanding. // *Philosophy, Psychiatry, & Psychology*. / Vol. 18, No. 1 / March 2011.
7. *Slors M.* The Model-Model of the Theory-Theory. http://radboud.academia.edu/MSlors/Papers/313141/The_Model-Model_of_the_Theory-Theory. (дата обращения 20.05.2012)
8. *Stanghellini G., Ballerini M.* What Is It like to Be a Person with Schizophrenia in the Social World? A First-Person Perspective Study on Schizophrenic Dissociality. // *Psychopathology* 2011, #44.
9. *Understanding Other Minds. Perspectives from Developmental Cognitive Neuroscience.* Oxford University Press, 2000.

Сведения об авторе: Бардина Светлана Михайловна, факультет философии НИУ ВШЭ, аспирантка.